

НАШИ ДОРОГИЕ РУКОВОДИТЕЛИ.

Желая поделиться с Вами, Наши Дорогие Руководители, теми переживаниями, которые были вызваны внезапным уходом нашего любимого Феликса Денисовича, спешим сообщить Вам по возможности подробнее все произошедшее.

Запись Рудзитиса.

Для того чтобы понять последнее состояние болезни д-ра, нужно рассмотреть и понять все последние годы его жизни. Нужно сказать, что вся его жизнь, после того как он принял Учение всей своей сущностью, является самоотказом, пламенной жаждой самосовершенствования, сложением всех своих устремлений и импульсов к ногам Владыки. Его жизнь была истинным самоиспытанием. Постоянно и неутомимо он испытывал свои силы задавал свое все новые и все более трудные задачи, возлагал новые обязанности, производил над собою новые опыты. Его первые мысли были направлены самоочищению, к "сжиганию трех найхудших недостатков", к че-

му он и нас постоянно уверял. Вспоминаем, как неоднократно ставил он нам обязанность каждый день в неделю побороть свой недостаток, а именно, в понедельник дать себе обет не раздражаться, во вторник не осуждать и т.д. Эта жажда самоочищения так глубоко горела в его душе даже до последней минуты, и 24 марта с.г., в день раскрытия нашего Знамени, д-р велел Стуре передать нам следующие его слова: "В древности в больших переживаниях, был обычай дать себе обет очищения. Пусть каждый сегодня, под этим священным знаменем, даст себе обет очиститься от слаюостей, какие он имеет". Как он мужественно стремился к само-дисциплине, как поборол всякое раздражение и волнение, как воспитывал в свое внимание, чуткость и находчивость, напоминая постоянно и нам это делать.

Как духовное, так и практическое его горение были изумительны. Также на физической плоскости он являлся постоянным искателем и самоиспытателем. Вспоминается, как зимою 1932-33 года он сокращал пищу и сон, однажды даже прободрствовав несколько ночей. Он это делал для развития психической энергии и воли. Свой реферат о вегетерианстве он кончил мыслью, что уменьшая количество пищи и сна, у нас является возможность развивать духовность. При реферате он дал также свою мини-мальную карту для меню: 3 дня сырое, 3 дня вареное, по одному блюду, исключая воскресения. Утром - пшеничный хлеб, но сам ел, некоторое время, зерно с мятным чаем. Конечно, д-р понимал, что нужно принимать во внимание индивидуальность каждого. Мы увлекались этими вопросами как дети и сами искали. После этого д-р несколько похудел. С другой стороны, от чрезмерного труда он переутомился. Вставал рано, по утрам читал Учение, составлял планы, рефераты или приготовлял свои медикаменты, потом принимал больных, что иногда продолжалось до 3-4; три раза в неделю - тоже самое и вечером. Кроме того он руководил группами, организовал женское единение, читал рефераты и т.д. Все это довело до того, что в конце февраля 1933 г. заболел и в марте его положение

ухудшилось до того, что раскрылась его прежняя рана в легких. Теперь д-р сразу переменил свой образ жизни. Спал и ел больше и т.д. Советовал и некоторым членам не увлекаться крайностями, но главное внимание обращать на дисциплину духа. Подтверждение тому он нашел в письме Е.И., со-ветовавшей придерживаться золотой середины. Это письмо его так обрадовало. Летом он стал проживать в Лесном парке, откуда утром отправлялся в Ригу трамваем. В это время сильное огорчение ему доставляла вся история и семья А. Он глубоко чувствовал всю свою ответственность. В Лесном парке он много читал, писал свой реферат для Лиги Культуры, также обращения к художникам и учителям, которых намеревался созывать отдельно. В итоге д-р получил от Е.И. письмом Советом пойти на отдых. Он поработал еще несколько дней, размышляя как лучше исполнить указание. Интересно заметить, что несколько дней спустя снова прочитав письмо, он заметил что "Совет" означена большая буквой и горевал, что не бросил работу сразу. Тотчас же он поехал в Огер на дачу одного из наших членов, гуляя по лесам: но человек, привыкший к вечному действию не умел отдохнуть. Он не-доумевал, что означает полный отдых - нужно ли бросить только писание, или также прекратить чтение и размышление.

В середине августа он поехал в Ревель к Гущику разяснить основы Учения. Приехав, он снова стал проживать в Риге, принимал участие в наших собраниях, хотя все время хоронил. Он весьма обрадовался залу нашей новой квартиры, он говорил, что теперь мы будем обитать в истинной храмине. При открытии он говорил, что с этого дня начинается новая эпоха в деятельности нашего общества. До сих пор была лишь стадия подготовления. Теперь выступление наружу, приложение Учения к жизни. Д-р был еще два раза в обществе, потом перестал ходить главным образом оттого, что слух его за крылся, и руководить при таких обстоятельствах, конечно ему было тяжело. Слух его закрывался и летом, но тогда случались с ним странные вещи: бывало что утром не слышит даже пения птиц, а приехав на прием больных он был в состоянии слышать все, но по приезде домой сdux его закрывалася снова. Иногда слух его открывался по его мысленной просьбе.

Последний раз д-р был в нашем обществе 24 декабря, когда после молитвы раздавал некоторым членам портреты Учителя. Идя домой он рассказывал, что при молитве в нем происходило такое горение-волнение, что он еле мог довести до конца молитву. Мы как дети надеялись, что д-р выздоровеет и слух его откроется до 25 января, дня первого собрания Лиги Культуры. Но наши надежды не оправдались. При этом случилось еще то, что д-р сильно простудился, - он поехал в автомобиль к своей смертельно больной матери в деревню, сам с температурой. Автомобиль застрял в снежном сугробе. Последние месяцы он опять мало спал по ночам, в ушах звонило, мог заснуть часто только после 4-х и так пролежал иногда до 10. При том он все время принимал больных, что совершенно истощало его. Принимать больных при таком слухе, когда ~~незвестно~~ все ли услышано, ответственность при этом, все это непомерное напряжение, конечно разило его здорово. Наконец, в начале февраля он прекратил прием больных. Он сделал бы это и раньше, но ждал известия о том, когда выйдет Н.К., в связи с ~~а~~ этим хотел согласовать свой "отпуск". Он ведь так горел этим сиданием. Надеялся на обратном пути остановиться в Швейцарии. Но болезнь проковала его к постели. Окончательно слег он в конце февраля.

Когда я посетил д-ра в начале марта меня поразила его крайняя ис-тощенность. Но лицо его дышало миром, было как бы озарено. Говорил, что "дошел до крайней черты, до бездны, что с точки зрения обычной медицины

для него нет более надежды спастись. Но он так доверялся Учителю, та-кая светлая бодрость была в нем, так не верил он в возможность свое-го ухода. Он пытал весь полнейшей глубочайшей прелестностью Учителя. Он ведь следил вполне и абсолютно Его указаниям, он готов был при-нять от Его руки все. В начале болезни у него было некоторое беспокойство, но после того как прочел из Учения, что нужно дать себя довести до края бездны, им овладело полное спокойствие. Никто не поддается выше говорил он мне, не испив чашу горячую. Он понимал, что это испытание данное им Сыше и что это нужно перенести с стойкостью духа. Потом он рассказывал мне о своих видениях и мучениях, ^б которых Вас ближе познакомит наш член Мисинъ, последние недели бывший почти ежедневно у него. Мы разговаривали также о планах. Он был глубоко уверен, что в марте произойдут весьма важные события в мировом масштабе. Но что именно не указал.

Прощаясь д-р промолвил: меня спасти может лишь чудо. Но он верил этому чуду. Как он-верили и мы, ни минуты не сомневаясь в благополучном исходе. Ведь д-р получал указания от Учителя, которым подчинился безусловно и наши советы не принимал и мы зная о такой охране бы-ли спокойны. Наша вина что мы слишком мало осознавали заповедь:рука-ми и ногами человеческими, что все должно совершиться на земном па-силе духа и находчивостью человеческой. Мы все получали кой какие знамения, указания, но никто не верил тому, что с д-ром могло бы это случиться. Мы слишком любили д-ра, слишком иерархически уважали его, чувствовали его скрепленную связь с Высшей Волей, чтобы давать ему свои советы, чтобы настаивать на наших мнениях.

Несколько После этого я еще раз побывал у него. Его глубоко волновало и радовало осознание того, что началась новая стадия в процессе разви-тия Учения. Именно, что настало время выступать открыто именем Учителя и Братства, применять к жизни Великие Указы: "принять на плечи свиде-тельство Прихода Моего" и утвердить существование Братства. Д-р тепер-весь горел этой идеей, сожалел, что ошибался, не начав выступление уже раньше. Он был до сих пор уверен, что еще не настал срок. Клизовский дерзнул, послав свой прекрасный труд в Индию и получил одобрение Учи-теля. Также труды Асеева признаны и одобрены. Оттого мы большую часть публичных рефератов выразивали до сих пор в рамках доступных обу-денному сознанию, избегая всего оккультного. Он горячо советовал мне бросить все другое и отдаваться лишь писанию на темы Учения: их ведь бесконечное число. Он также советовал писать о Белом Братстве. Каждый должен познать и понять Его. Он говорил, что должно быть явится апостол, который с огненностью Павла возвестит Учение.

Духовная радость д-ра по этому поводу была так глубока, что по-следние дни своей жизни, кажется он пытался лишь этим идеям. Я прово-дил у него вечер накануне его ухода. Опишу час проведенный у него так, как я его пережил. У постели больного я встретил Мисина. Меня глу-боко и мучительно поразил странно радостный тон д-ра, в котором хот-чувствовалася невыразимый духовный под-ем, но замечалось, что д-р из э-полной истощенности сил, не вполне уже владеет линией своего мышления. Он встретил меня словами: "хорошо, что ты пришел. Мы только что с М читали молитвы и поднялись к Высшим Духам. Я, истинно, нахожусь на вер-шинах блаженства. Мне теперь так хорошо, даже температура нет. Теперь как раз самый удобный момент говорить с тобою о литературе, о планах об Учении". Д-р говорил энергичным твердым тоном, но через стиснутые зубы, его голос так странно звучал. Видно, он желает высказать все, что

горит в его сердце, оттого так напрягает себя, не взирая на истощение. Так мучительно слушать его, сознавать свое бессилие помочь. Советую ему не говорить, так как для него это вредно, на минуту остановившись он начинает снова. Он вновь и вновь возвращается к мысли, которую он высказывал раньше и которая, видно, захватила всю его сущность! Пришло время возвестить Учение всему миру. Все народы, все люди должны услышать о Майтреи, о Братстве, о Иерархии, иначе погибнут. Поэтому нужно весьма скоро воспринять Учение и писать об Учении, чем скорее, тем лучше. Все люди должны осознать истины Братства". Эти мысли д-р повторял несколько раз. Его дух и тело горели высшим огнем, огнем бесконечной преданности своему Иерарху-Великому Учителю. На столе фризии и розы, на стене "Брамапутра", принесенная на время из музея. Мой товарищ, глубоко взволнованный, приоткрыл окно. Тогда я простился со своим любимым д-ром. Ушел, потрясенный, с пламенем и болью в душе. Но даже смотря в глаза очевидному, не верил я еще тогда, что это наше последнее свидание. Ведь вся его болезнь происходила как бы на другой плоскости бытия, была истинным чудом, и мы верили, что это чудо, преобразив дух и тело д-ра поможет ему вновь подняться. Но на утро начался бред, предсмerteные мучения. Истинный подвиг завершился, геройство великой преданности и самоотказа. "Я исполнил все, что мне велела Высшая Воля, сказал он накануне ухода, теперь мне легко". Если мне придется уйти, то уйду я через Твои Руки". Не преступил он Воли Высшей ни в чем, даже в мелочах хотя был столь одиноким, хотя воспринимал и сжигал все стрелы Космического Боя в своем сердце.

Свеже насыпанная могила. Одинокие стройные сосны. Ветер гоняет прошлогодние листья. Никогда еще так не сияло солнце, как сегодня. Истинно озарение над миром сегодня. Мистерия кончилась. Ушла огненная душа, покинута план тленной материи. Нет больше сомнения.

Кто же поверил бы уходу д-ра двадцати тому назад. Никто, никто из наших членов не мог бы даже представить возможности такого исхода. И сам д-р не верил, что ему придется столь внезапно уйти.

Наша самоуверенность была, истинно, поражена молниеносно, потрясена до боли. Поражены были все наши мысли, все наши чувства, чаяния. Нечто иррациональное, космическое совершилось пред нашими глазами. Ведь д-р только что начал свою миссию на этой земле, все его великие созидания остались еще в зачатии, особенно последние недели своей жизни он горел бесчисленными планами и идеями и пламенно мечтал по возможности скорее их применить. Духовная одрость не покинула его до последнего момента его ухода, ибо он нес в себе огонь божественной молодости, озарившей и одухотворившей его нескованно, не взирая на все великие его мучения и истощение. Ведь все его сознание было огненно настроено на абсолютном доверии, на пламенном всеочищающем порыве к своему Учителю.

Но не имеет значения прочувствованное чувствами земли.... Ведь не знаете, где именно, нужна помочь, и когда зазвучит последний час оитвы. Может быть помочь очень нужна, дайте судить Нам.

Мы доверялись вполне Воле Высшей, мы всей сущностью понимали, что Высший Разум лучше может усмотреть все причины и следствия и знает зачем все это. Теперь как раз момент высшего напряжения Боя, теперь на всех планах свершается то, что еще никогда не свершалось. И как знать нам, своим релятивным сознанием, для какой цели и миссии необходимо присутствие нашего любимого Предводителя в Высшем мире.

Когда я прибыл в дом д-ра утром в день его ухода, в передней было уже несколько членов. У постели умирающего находились родные, Мисинь,

3

потом пришел Стуре. Мы сидели и через длинный корridor различали каждый вздох и стон умирающего. Сердце сжималось под невыразимой тяжестью. Что делать, как помочь. Опоздали мы, внизу кричали рои потрясенных чувств и мыслей, а над всем в торжественной тишине звучало: да свершился Воля Твоя. Мы ждали, ждали телеграмму, ждали неизвестно чего. Порою приходил к нам М. и оповещал о состоянии д-ра. Около часа в квартиру запыхавшись вбежал Ренц, с воспламененным лицом. Уверял: я теперь знаю, все будет хорошо, д-р не уйдет от нас. Р. только что был в обществе, молился горячо Учителю перед Его образом, и вдруг перед ним вспыхнул сноп света, который увеличился, ослепил, потряс его. Шли минуты. Я скоро потом ушел на час. Лишь только я возвратился и вошел в квартиру, вижу подходит М и шепчет что то. Мой слух улавливает: д-р ушел. Безмолвно стояли мы, пораженные, перед Мистерией, мы, наследники плана человеческого. Твоя Воля, а не моя, этой молитвой нашего водителя и наши души были полны. Мы не уходили, но сидели в передней и ждали. Сердце наше было еще до краев переполнено светом нашей чисто человеческой уверенности мы были так полны еще сущностью д-ра, что ни духом, ни сердцем не могли еще постингутить совершившегося. Вспомнили, как одному из членов, два дня до ухода, д-р говорил, что ему придется пробыть 2 часа в состоянии равном смерти, но что он снова после этого восстанет. Мы ждали эти два часа. Мы вспомнили также случай из жизни Блаватской. Но прошли эти два часа. Мы навестили после этого д-ра в его комнате. Преображение совершилось. В лице ушедшего витала уже Великая тайна. Мы ушли и сообщили другим членам, чтобы вечером собраться вместе в обществе. Описать ли чувство охватившее всех нас, всех членов. Все мы чувствовали, что мы остались без сердца огненного, без нашего постоянного Вдохновителя и Собрата в духе. Некоторые из членов, не знавшие о состоянии д-ра, перенесли в момент его ухода какое то необъяснимое предчувствие - одни чувствовали тяжесть и даже плакали, другие - как бы радость и озарение. Так пробыв некоторое время в обществе вместе, в молитвах и словах сердечных, члены разделились по группам, чтобы навестить д-ра и пробыть ночь с ним.

Свершилась Воля Твоя. Но как сердце человеческое не могло еще прииться с фактом высшим, как ныло оно. В тайниках своих он еще с оолью чего то ждало и надеялось. Оно знало, что чудо не для него. Но все таки смутно чего то вопрошало и ждало.

Настал другой день. Пришли телеграммы из Парижа и Америки. Оболочку д-ра покрыли знаменем общества. Так д-р благословил Знамя Мира в последний раз.

В четверг вечером в обществе должно было состояться соорание Лиги Культуры. Были уже разосланы приглашения свыше 300 культурным обществам Латвии. Отложили ли. Совещались. Может быть этим созиданием, в котором д-р принял наибоолее горячее участие и которому он дал свой тон, мы лишь почтим память д-ра. Так мы открыли соорание. Под конец подписали статут. Но наше сердце все время было полно чем то иным, невыразимым.

Суббота. День весны и солнца. С самой зари восхода до заката, ни одного облачка. Небо такое лазурное. Сердце наше еще боролось по земному еще не хотело отказаться, еще как то смутно ждало. В 12 часов пришла наконец телеграмма из Индии. Слово произнесено. Мистерия истинно свершилась.

Похоронная процессия. Из дома еще раздаются грустные звуки траурного марша Шопена. Белый катафалк, белые лошади. Наше белое Знамя Мира как то лиющее, как то просветленно развевается по улицам Риги. Путь далек. Вспоминаю все время, как мы год тому назад шли с д-ром, сопровождая нашу светлую писательницу в последний путь. Все время шел дождь

и доктор был не совсем здоров, но он совершенно не думал о себе. Все время был бодр и полон света. Рассказывал потом, что видел писательницу на кладбище, во время речей улыбающейся.

Мощные, тихие сосны. Холм. Все так не как всегда бывало. Речи. Может быть д-р где то над соснами витал и также улыбался. Он видел теперь наши сердца и сознания. Он постигал то, что до сих пор было для него тайной.

Мистерия кончилась.

Приоткрывается ли когда либо край завесы для нас? Постигнем ли непостижимое? Преобразится ли когда тоска и вопросы сердца в радость знания? Не совершился ли опыт высший над д-ром? Ведь не из за кармических причин он мог уйти - в настоящий момент самой средине Боя? Он сам постоянно любил повторять из Учения, что устремляющегося в будущее карма не дологит.

Также не в Девачан пошел наш друг, в то время, когда вся земная орбита вовлечена в бой. Он ведь так глубоко и так убежденно жаждал привести себя на Общее Благо, сознательно связав себя с идеей Братьев, отказавшихся от Нирваны ради человечества. Он считал Девачан лишь иллюзией для очищенного сознания.

Одно наше успокоение и радость, что д-р сейчас же или скоро станет среди Светлых Воинов, борющихся ради Нового мира и Нового Человечества. Он ушел отсюда не усталым, он ушел насыщенный самыми огненными энергиями мира.

Запись К. Стурса.

Без желания создавать земные кумиры, воздадим по заслугам и будем чтить ~~наш~~ память подражанием всему высокому и чистому, к которому стремился ушедший с земного плана дух победитель.

Три года тому назад я впервые, по рекомендации г. Фреймана, посетил д-ра Лукина и встретил самый радостный прием.

Когда я рассказывал ему о своих переживаниях и видениях после ~~наш~~ постигшего меня горя, о получаемых на оставшемся кокосовым селе знаках и рисунках, о касаниях в потустороннем мире, о преследовавших меня в юности идеях и схемах эволюционного движения, он терпеливо слушал мою отрывочную исповедь, по временам выражая сомнение легкой улыбкой.

Затем я с его разрешения, стал бывать на заседаниях групп, сняв приглашаем на личные беседы в его квартиру, где обсуждали мы ~~всю~~ месть из Учения, читали совместно Иерархию. Он поручил мне перевести Агни Йогу, выражал свои опасения по поводу модернизации латышского языка, указывал мне путь сотрудничества. Многое я предугадывал, что не было для меня предназначено, но после того он подтверждал верность моих предположений.

Так мало по миру я стал его соисследником, единомышленником и со-трудником. Он стал меня уговаривать, чтобы я переехал на жительство в Ригу, не опоряя моих доводов против этого его желания. "Брось все эти мелкие заботы о хозяйстве, о доме, недостойно это тебе, это может всякий другой". Когда я указывал на невозможность допущения банкротства из за невзноса платежей по векселям (ипотечным долговым обязательствам) он из всего сердца пожелал мне скорейшего и полного краха всех моих глупых затей".

Руководящий Высшей Рукой распределенная карма облегчила мне побороть привязанность к воспоминаниям и местам прежнего земного счастья и вы-

рваться из чарующих грез астрального мира.

Я дал слово слушаться, но продолжал откладывать до ноября, принужденный финансовой конъюнктурой. В ноябре без дальнейших рассуждений ^{Бумбера} рискнул и переехал в Ригу, передав руководительство моей группой г-же Бумбер.

Д-р ~~ХХХ~~ не одобрял моей будто слишком щедрой материальной поддержки детей; он указывал, что испытал на собственной семье тлетворное влияние уступчивости бесконечным требованиям; но он согласился, что необходимо дать моей дочери возможность продолжать специальное образование за границей. Он мне оказывал помощь в займе денег у покойного епископа, но тот в то время купил недвижимость и свободных денег не оказалось. У меня будто сами собой явились чрезвычайно облегченные другие возможности занять нужные суммы, другими словами - застать в долги. Долги были и у нашего дорогого д-ра и весьма крупные, о чем редко кто и среди нас знал.

В середине декабря, когда я кончал писать для д-ра реферат о школной системе, у меня было видение. Доктор и Н.К. находились в таинственном просторном помещении другого плана, были заняты как бы направлением грядущих событий; я в том же помещении должен был отклонять устремляющих элементов. Затем я очнулся внизу, среди нашего общества, выстроившегося в походном порядке. Н.К. и д-р были где то на верху, мы ждали оттуда указаний. Я засунул свой нечитанный реферат в новой школе в карман. Были присланы ожидаемые свитки. Ждали мы еще важной посылки. Говорили - присланна "великая черепаха", ее в свитке завернутую накинули мне на плечо. Д-р к нам не вернулся.

Когда ухудшившийся слух заставил его сторониться непосредственного руководительства обществом, он стал меня более подробно знакомить с предстоящей планомерной работой и с характеристикой самого общества. Все же он надеялся на поправление слуха. Но когда на него по его глубокому убеждению было наложено самое серьезное испытание, поставить себя на край пропасти, он все же не падал духом, беседовал со мной о широких планах после его выздоровления. Он надеялся оправдаться от непосредственного постоянного руководительства, принял бы на себя более широкую деятельность и служение за пределами Латвии, использовал бы в широких целях свои медицинские изобретения.

Заведывание таким образом добьтого капитала он поручил мне в со-трудничестве с г-жей Мисинь и Драудзинь, называл также г-на Рудзитиса

Старшего сына своего, тоже медика, он думал посыпать в тайни своих открытых в зависимости от духовной эволюции сына. Пока же он своим рецептом передал на хранение мне, познакомив меня с составом и способом составления лекарств.

Когда силы все больше убывали и он надеялся еще лишь на чудесную помощь Иерарха, он велел освятить знамя, учредить Лигу Культуры без его участия. "Иди и сделай" было им сказано. "Не допускай непослушания, не слушайся упрямой разноголосицы. Исследуй и поучай, запрети злословие и сплетничать". Я часто стиралась смягчать его, как мне казалось, кругные советы. В последнее время он говорил о маловажности всей этой суматохи в плоскости интересов земного плана. "Прошло время пропагандирования Н.К. культурным деятелям". Начнутся другие события. Маловажно учреждение Лиги, не важно сколько общества примывает".

Говорил он о 24 марта. Затем во время моего краткого визита за

три дня до ухода, он в присутствии г-на Мисиня, сказал мне. "Ну видишь ли, почти постыдным является для нас, что мы истолковали указание на 24 марта как на срок каких то небывалых перемен и чуть ли не стали говорить об этом другим. Это просто был день основания Парижского центра. Затем он подал мне руку и сказал. "Ну, иди работать, тебе ждет работы".

Когда мне г-н Волковский в среду позвонил, что наступил кризис, я побежал туда и застал дорогого друга в полусознательном, как мне казалось, состоянии. Непрерывно он произносил ряд слов. "Иисус, ~~ио~~шус, ос- сис"; по временам я ясно различал слова "Рерих" и "Архайос". Я поднес ему букет роз, он наклонил голову навстречу благоухающим цветам и вдыхал живительный аромат.

Я убежден, что уход его был решен по Высшим соображениям для высшего сотрудничества.

Видение м-ль Вестурс в начале марта прошлого года повторилось ныне ровно через год. Буквы двух принципов "С" и "Г" или "до" и "сол". Кама плоскость земной жизни "до" под знаком вопроса, на верху мира Юпитера, "сол", мир непреходящего тела, аурического яйца.

Будем чтить его память не поклонением, а подражанием.

Рига, 10. IV. 34

К. Стуре
президент Гимназии
общество имени И. К. Рериха
(Общество друзей музея
И. К. Рериха)

5
Рига, "15" апреля 1934 г.

НАШИ ДОРОГИЕ РУКОВОДИТЕЛИ и ДУХОВНЫЕ ВОЖДИ -

НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ и

ЕЛЕНА ИВАНОВНА !

Вам известно, о чем скорбят сердца наши в эти дни... Так неожиданно и скоропостижно ушел с этого земного плана наш дорогой, всеми уважаемый и сердечно любимый Феликс Денисович. Одним пламенеющим, так много объемлющим сердцем стала беднее наша среда, наш маленький кружок друзей. Покинул он нас именно в такое время, когда мы так нуждались в нем. Многое им было начато ради Новой Жизни, из намеченного уже многое сделано, но еще больше осталось к завершению. Открытия и достижения его в области медицины, его сострадание и помочь к телесным и материальным и духовным нуждам было далеко и широко известно и всеми высоко оценено. В общественно-культурной жизни многие, многие его вспоминают как непокладающего рук труженика на общее благо. Наше Общество Друзей Музея Рериха, Туберкулезное Общество, Общества Врачей (латышских и русских), Общество Вегетарианцев, Вегетативный Кооператив "Лайкметс" (хлебопекарня), и еще многие другие организации и учреждения вспоминают его добрым словом и светлой памятью как своего вдохновителя и сердечного сотрудника. Лишь день рождения Всемирной Лиги Культуры в Латвии, горячим инициатором которой являлся наш Феликс Денисович, не было суждено ему приветствовать. Учредительное собрание Лиги состоялось и статуты были подписаны в помещении Общества Друзей Музея Рериха 29-го марта с/г., т.е. на второй день после ухода нашего глубоко чтимого Феликса Денисовича. На очереди было поставлено уже подготовленное к осуществлению "Всемирное Единение Женщин в Латвии". Осталось еще много работы и помочь его испытанного огненного сердца нам всем было так дорого и необходимо в эти дни Армагедона, ради служения Высшему Свету именно на этом земном плане. Но сказано: .... Не имеет значения почувствованное чувствами Земли, но будем прилагать сослужение всех частей Света. Ждете Меня, ждете явлением помощи, но ведь не знаете, где, именно нужна помощь, и когда зазвучит последний час битвы. Но полагая на Нас все сознание, и зная, что не замедлим - стройте нерушимый мост и собираете сокровище мои. Может быть помощь очень нужна, дайте судить Нам, ибо время полно и за морем уже встают столбы Света." (Иерархия, 96 §).

В последние дни свои наш дорогой Феликс Денисович всецело свое сердце, свое сознание отдал лишь служению Высшему Свету, лишь Воле Владыки. Ради этого служения он не думал об исходе своей болезни, а всецело полагался на Волю Руки Водящей. Лишь по категорическому запрету Феликса Денисовича мы не писали Вам о его болезни, о его серезном положении. Он сам верил и мы тоже верили лишь ^вблагополучный исход. Он верил, что указания (видения), которые ему были даны и которых всем существом своим он старался исполнить, идут действительно от Руки Водящей. Он твердо полагал, что о происходящем с ним Вам все известно, но если предначертанное Судьбою и Руководителем не было бы даже Вам известно, то это требования его кармы и Воля Руки Водящей. В особом письме мы отправили Вам подробное описание жизни последних дней нашего Феликса Денисовича.

Мы, по мере наших сил, твердо и неустанно будем подражать нашему ушедшему Феликсу Денисовичу и будем стараться завершить начатое и задуманное им ради Великого и прекрасного Будущего. Сплотившись под Светлым Знаменем Владыки мы преданностью и любовью будем устремляться всем сердцем служить и радоваться лишь Воле Владыки.

Ради этого служения, мы обращаемся к Вам, наши сердечно любимые Руководители, наши духовные Вожди - оказать нам Вашу духовную помощь, Ваши указания и поучения, как это было так любезно и щедро нами получено при ушедшем от нас Феликсе Денисовиче.

При основании нашего Общества Друзей Музея Рериха, мы решили в жизни общества придерживаться следующих принципов: 1) чтобы в активные члены (в старшую группу) были зачислены лишь те сотрудники, которые, по нашему убеждению, своим устремлением и служением общему Благу доказали, что Учение и Воля Владыки для них в жизни стоит на первом месте; 2) чтобы все важнейшие начинания и решения в жизни Общества были обсуждены и приняты в активной группе и 3) чтобы внутренняя жизнь в Обществе велась по Иерархическому принципу, соблюдая всегда духовную дисциплину, духовную гармонию и духовную кооперацию.

Основываясь на этих принципах и на статуты Общества, активные члены, на общем собрании 6-го апреля с/г., единогласно избрали Карла Ивановича Стуре нашим руководителем и председателем Общества, на место ушедшего с этого земного плана Феликса Денисовича. На том же собрании избрали товарищем председателя Лидию Андреевну Иогансон. Между прочим, и воля нашего ушедшего Феликса Денисовича была такова, чтобы в случае его ухода, руководство и ведение Обществом было поручено именно Карлу Ивановичу. Со времени поступления в О-во Карл Иванович занимал должность товарища председателя, руководил группами проходящими Учение и замещал Феликса Денисовича во время его болезни. Карл Иванович родился 1877 г., 15-го октября и до поступления в О-во занимал должность учителя гимназии в городе Виндаве. По настоянию Феликса Денисовича он в прошлом году вышел в отставку, переехал на жительство в Ригу и предался служению нашему Обществу.

Сообщая Вам, наши дорогие Руководители и духовные Вожди, о вышеизложенном, сердечно просим Вашего одобрения и утверждения избранного нами Карла Ивановича Стуре нашим руководителем и председателем Общества, оказывая ему Ваше доверие и духовную помощь ради служения лишь Высшей Воле, и Высшему Свету. Ваши указания и поручения нам будут всегда дороги.

Помещение нашего Общества находится на Елизаветинской ул. № 21-а, кв. 7, и там же проживает Карл Иванович Стуре.

K. Dēnišovs / *F. Rēriha* A. Ķipravskis
R. Štūre D. Russine Mēdriņškis

H. Johanson. J. Prince

J. A. Yoranson.

A. Viestne

E. A. Kačevs

R. Rudzīns

A. B. Cīrīs
D. Zālmanis

M. Līcis - viens vīrs.

R. Mandins

Ā. Č. Šmidbergs

1. 6

Запись Мисиня.

Я часто заходил к доктору, когда поднялся вопрос об отыскании нового помещения для общества. Пошли переговоры, осмотрели довольно много квартир. Когда было нанято теперешнее помещение, доктор очень радовался и приложил много сил и материальных средств, чтобы только было красиво устроено. После устройства новой квартиры, все чаще и чаще я получал от доктора разные поручения, пока дошло до того, что говорились открыть пекарню, создать первый кооператив в Латвии на основах нашего Учения. Вскоре после открытия пекарни доктор заболел серьезно, хотя и до того он все время недомогал. Не смотря на то, что температура к вечеру доходила до 38,5, он все время принимал больных - более 40 человек в день. Это, конечно, привело к тому, что его положение ухудшилось, пришлось прекратить прием больных и лечь в постель. Доктором было решено, что он поедет в Давос или в другое место лечиться и отдохнуть.

Был назначен срок отъезда, но температура все время держалась выше 38. Кроме того приходили больные, приезжающие из других городов, которых доктор принимал, вставая с постели, не смотря на высокую температуру. Помнится, что раз я сказал доктору, чтобы он подумал и о себе, но он ответил: "я принимаю только тех, жизнь которых зависит от моих лекарств и их не принимать я не могу". Но такие приходили ежедневно и отыходить доктору не приходилось.

Не задолго до предполагаемого отъезда доктора за границу был призван сын доктора - Геральд, который работал в городской больнице ассистентом. Доктор предложил ему перейти из городской больницы к нему, лечить больных. Геральд на это согласился, отказался от своей должности в городской больнице и перешел жить и работать у доктора. Так как температура не падала, доктор выехать не мог и прием больных сыном доктора стали регулярными. Так как молодой доктор не был знаком с гемеопатией, то конечно, не мог знать ни способов лечения, ни лекарств. Чтобы приготовить нужные лекарства доктор приглашал для этой цели г. Стуре и когда лекарства были изготовлены доктор радовался тому, что г. Стуре сумел это хорошо сделать и ему не приходилось вставать с постели. Во время изготовления лекарств я у доктора не находился.

Молодой доктор о каждом больном приходил советоваться с отцом и он давал указания как поступить и какие дать лекарства. И так это шло до последних дней. Связь между доктором и сыном стала с каждым днем крепнуть и доктор высказал убеждение, что сын Геральд определенно придет к Учению. Сердечное и любовное отношение к доктору со стороны сына способствовало установлению более близких отношений между ними. Помню, как доктор сказал, что после выздоровления ему не нужно будет утомляться приемом больных, кроме серьезных случаев заболеваний, что этим может заняться его сын и ему будет дана возможность заняться своим духовным развитием.

Доктор определенно утверждал, что сын Геральд останется работать у него. Внимательный уход сына за больным отцом с каждым днем приближал их друг к другу и доктор стал знакомить сына с духовной стороной своей болезни: сказал ему о своих видениях, об отказе от пищи, о том, что отдает свою судьбу на разрешение Высших Сил. лично мне доктор сказал, что его болезнь дает новые взгляды и новый поворот мышления сына. И доктор радовался этому, радовался потому, что видел зарождающиеся признаки духовной эволюции того сына, который меньше всех его огор-

Чал, который меньше всех требовал для себя материальной поддержки. Поэтому доктор ничего не скрывал от сына и сын подчинялся желаниям отца хотя в душе, как медик, он может быть и не соглашался.

Регулярно стал я посещать доктора когда он получил указание, что-то сократить пищу, а именно: одну тарелку супа в обед и пол стакана пшеничного зерна утром. Чтобы не огорчать родных тем, что будучи больным он так мало кушает, доктор пригласил меня постоянно с ним обедать, прося подаваемым кушаньям оказывать должную честь. Когда я обратился к нему с вопросом, правильно ли он поступает, он мне ответил, что это указание Руководящей Руки и что в этом не может быть никакого сомнения. Но если Вы tolkueте эти видения неправильно, принимая во внимание что температура у Вас 39, то не будет ли это с вашей стороны ошибкой и заблуждением? спросил я доктора. - Тогда вся моя жизнь основана на ошибках и заблуждениях. Для меня ясно, что указания эти от Руководящей Руки и говорить об этом больше не будем. Что мог я сделать? Я мог лишь подчиняться, что я и делал.

Первое время уменьшения пищи не очень сильно подействовало на ход болезни. Так продолжалось недели 3-4. Когда я пришел однажды к обеду доктор встретил меня словами: "милый друг, я кушаю слишком много. Мне даны указания уменьшить питание на половину". Меня волновало по-доное явление, но я противиться доктору не смел. Я говорил со старшими членами общества, в особенности с г. Стуре, но он не дал мне возможности даже высказаться по этому вопросу, указывая, что без согласия доктора мы ничего изменить не можем, что каждый дух сам по себе проходит свою эволюцию. Я просил писать об этом в Индию, но с этим тоже не согласились. Мы согласились на том что и сам доктор ~~будет~~ против того чтобы посыпать об этом запрос в Индию. Единственно что мне осталось, это вознести мольбой к Вышнему. У меня была непоколебимая вера в том, что в помощи нам не откажут.

Конечно, при сокращении пищи до пол тарелки супа за обедом и пол стакана пшеничного зерна утром, силы доктора стали быстро иссякать. Прошло несколько дней и у доктора начал пропадать аппетит. Кроме того из-за упадка силы доктору стало невозможным размягчать пшеничные зерна, или же он ~~должен~~ был проглатывать их целиком, так что в одно утро он сказал мне: "этого я больше не могу". Этим он лишил себя и завтрака. Я обратился к нему с вопросом: "нельзя ли зерна заменить чемнибудь другим, - может быть плодами?" Доктор ответил: "Тогда мне укажут". Приходя после того к доктору, я всякий раз спрашивал не получил ли он каких-нибудь Указаний? Но таких не было. Я видел, что дело доходит до крайности.

Че смотря на высокую температуру, доктор не пропускал ни одного дня и ни одной ночи, чтобы не заниматься Учением, делал выписки, читал пока, как сам сказал, не потерял связь мыслей, вследствии высокой температуры, которая особенно мучительной была по ночам. Когда я однажды в обеденное время пришел к доктору, он мне процитировал слова Учения из "Сердца" - "Мы глубоко скорбим, когда видим, что вы малодушно уклоняетесь и не даете себя поставить на край пропасти". Это было в то время, когда он вторично сократил свое питание. "Значит, сказал он, сокращение пищи есть поступок правильный, ибо мы должны дать ~~оставить~~ се~~я~~ б~~ы~~ на край пропасти, а не малодушно уклоняться". Эти слова ~~доктора~~ были для доктора роковыми, они сделали кругой поворот в его жизни. "Чем бы это не кончилось, отступать я не могу" говорил он. Кончилось тем, что пришлось нам расстаться с нашим милым, дорогим вождем.

Не смотря на ^{л/} тяжесть состояния здоровья доктор не отрывался от хода дел в обществе, в пекарне и интересовался организационными вопросами Лиги Культуры. Следил за ходом всех работ и требовал всех сведений. Так как я бывал у доктора по несколько раз в день, то на мою долю выпала обязанность информировать его о положении дел по всем вопросам жизни и деятельности общества. И так как доктор сам любил и требовал от других высказывать свое мнение открыто, то он и меня заставлял говорить ему правду, что иногда создавало неприятные последствия. Уже всего было дело с пекарней. Каждый день я должен был осведомлять доктора о ходе работ, ообороте, отзывах, одним словом, обо всем. Чо мало было таких дней, когда он оставался доволен достижениями. Он всегда торопил: нужно было сделать больше, лучше, скорее и т.д.

Планы на будущее у доктора были большие, он всегда повторял: "для каждого из вас у меня есть задача, только бы выздороветь". Но все эти планы доктору осуществить не пришлось. Раз доктор, после того как он познакомил меня со всеми обстоятельствами своей жизни, сказал мне, что после выздоровления не хотел бы иметь имущества, но создав комиссию из трех лиц: г. Стуре, г-жи К. Драудзинь и моей жены О. Мисинь, хотел бы поручить ~~ей~~ заведование всем своим имуществом, а также теми средствами, которые поступали бы от лечения больных и от патентования некоторых изобретенных им лечебных средств. Таких изобретенных им средств он назвал четыре: от гриппа, коклюша, скарлатины и дифтерита. Эти средства он хотел патентовать уже раньше, но не имел для этого времени. Он был убежден, что эти средства получат широкое распространение. Предполагаемая комиссия должна была добываемые средства распределять следующим образом: на жизнь самому доктору и его семье, на нужды общества и на цели общечеловеческие.

Когда положение доктора стало критическим, я стал умолять его разрешить написать Е. И. Сначала доктор не соглашался говоря: "Они там знают все. Это мое испытание, которое я должен перенести". "Но разрешите писать мне ради нас, ради нашего спокойствия, ведь мы беспокоимся за Вас" просил я доктора. Тогда он дал свое согласие. Тотчас я побежал в пекарню, чтобы переговорить с женой. Вызвали г. Рудзита, чтобы за его подписью отправить телеграмму. Ведь меня по фамилии никто в Индии не знал! Но по необъяснимым причинам телеграмма запоздала доставкой по своему назначению и когда получил ответ - было уже поздно.

Как уже сказано выше, во все время своей болезни, доктор не прерывал своей духовной деятельности: читал, размышлял, делал выписки. Когда же в последние дни стал сильно уставать, я с перерывами читал ему на ухо Иерархию, так как он очень плохо слышал. А в день перед уходом, мы читали только молитвы. Он говорил: "Я начну с произнесения этих Великих Имен и с семисловия, а вы читайте молитвы дальше". Так и делали.

Во вторник утром доктор велел позвать родственницу бабушку, которая жила у него и сильно беспокоилась о его здоровье. Он сказал ей: "вот теперь я вылечусь, температура упадет и мне легко, потому будьте спокойны". Тоже самое он сказал и мне: "милый друг теперь мне хорошо. Вы помните то время, когда мы мучились с температурой, это было ужасное время, но теперь это прошло, настало счастье и блаженство". Я подумал, что кризис миновал. И когда во вторник вечером я вместе с Рудзитом ушли от доктора нельзя было предполагать, что на следующий день мы будем провожать нашего милого доктора в дальние миры.

В среду утром, когда я пришел к доктору, я нашел его в полусознательном состоянии. Произошел первый сердечный припадок. Сын и осталь-

9 X

ные члены семьи настаивали на том, чтобы сделать вспрыкивание. Вспнули кофеин. Воспротивиться этому я не мог. После вспрыкивания положение как будто улучшилось. Я по телефону созвал старших членов общества. Приблизительно через час произошел второй припадок. Чтобы поддожать действие сердца опять вспрынули кофеин. Этим пульс улучшился, доктор стал испытывать сильные боли и мучения. Это были самые тяжелые минуты. Боли были настолько мучительны, что доктор ломал руки, хватался за голову, как будто боролся и просил о помощи. Но другой помощи я не мог ему оказать, как молиться за него Всевышнему и держа его руки в своих руках, беспрерывно призывал Имя Учителя.

Нужно сказать, что в ночь на среду доктор стал беспрерывно говорить. Так он говорил почти до последнего вздоха. Но не залога перед уходом от нас, он вдруг перестал говорить и затих. Видно было, что ему как будто стало легче. Вдруг повернулся лицом в нашу сторону, осмотрел всех нас и как будто засыпая, испустил последний вздох. Не выпуская ее рук из своих, я все время призывал Владыку, да так и закрыл глаза нашему дорогому вождю, сердцу нашего общества, моему ^{нашему} незабываемому другу.

Когда дорогое сердце нашего дорогого доктора перестало биться, я все еще не верил, что это истина, что возврата нет. Теплилась еще какая-то последняя слабая надежда, так как он говорил что будет состояние подобное смерти и что такое положение продолжится два часа. Мы ждали эти два часа, я кроме того ждал ответа на телеграмму из Индии, но наши ожидания не оправдались.

Так как я был у постели доктора с первого до последнего дня его болезни, то я имел полную возможность наблюдать его непоколебимую пребыванность и доверие своему Владыке; его ни на миг не ослабевающее устремление к своему Учителю, его сознательное и мужественное приближение к краю той пропасти куда должно было свалиться его тело, но высоко вознести дух. Произнося свою любимую молитву: "Владыко я Тебе отдаю мое сердце, принеси его во имя спасения мира", он воистину последовал этим священным словам и без колебания отдал свое сердце своему Владыке.

